

Л. А. Вайкум¹

Алтайский государственный педагогический университет

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Т. Н. ТОЛСТОЙ

В статье предложен нарратологический анализ прозы Т. Толстой. Анализ производится на материале романа «Кысь» и рассказов из сборника «Не кысь». Особое внимание уделяется роли мифологического дискурса как важной части авторского дискурса писательницы. Включение мифологического дискурса в текст обусловлено необходимостью раскрытия внутреннего мира героев. Через призму мифа Толстая демонстрирует не только особенности мышления своих героев и их переживания, но и свое отношение к ним. Репрезентация мифологических сюжетов и образов в творчестве писательницы способствует более детальному раскрытию художественных образов и авторского замысла.

Ключевые слова: Т. Н. Толстая, роман «Кысь», сборник рассказов «Не кысь», дискурс, миф, мифологическое мышление, мифологизация.

L. A. Vaikum

Altai State Pedagogical University

MYTHOLOGICAL DISCOURSE IN PROSE WORKS T. N. TOLSTAYA'S

The article offers a narrative analysis of Tolstaya's prose. The analysis is based on the material of the novel «The Slynx» and stories from the collection «Not The Slynx». Special attention is paid to the role of mythological discourse as an important part of the author's discourse of the writer. The inclusion of mythological discourse in the text is due to the need to reveal the inner world of the characters. Through the prism of myth Tolstaya's demonstrates not only the peculiarities of thinking of her characters and their experiences but also demonstrates her attitude to them. The representation of mythological subjects and images in the writer's work contributes to a more detailed and revealing of artistic images and the author's idea.

Keywords: T. N. Tolstaya, novel «The Slynx», «Not The Slynx» collection of short stories, discourse, myth, mythological thinking, mythologization.

Миф стоит у истоков словесного искусства и занимает значительное место в культурной традиции многих народов. На протяжении всего существования литературы миф и мифологические мотивы играют важную роль в создании литературных сюжетов.

Для Т. Толстой миф выступает в роли того маркера, который вскрывает важные проблемы, затрагиваемые автором, обнажая главную проблему всего произведения. Мифологический дискурс играет важную роль в романе «Кысь», где описывается жизнь общества, утратившего свое культурное наследие, тем

¹ Любовь Александровна Вайкум, аспирант кафедры литературы АлтГПУ.

самым, регрессировавшее практически до примитивного, а также в ряде рассказов из сборника «Не кысь», где окружающий мир описывается сквозь призму наивного восприятия действительности (рассказы «На златом крыльце сидели...», «Свидание с птицей», «Любишь – не любишь» и т. д.).

Характерно то, что как в романе, так и в рассказах ключевыми фигурами повествования становятся герои, которым свойственна наивность детского мышления. В романе это голубчики – жители Федор-Кузьмичска: находящиеся у истоков нового мира, они своим мышлением сравнимы с архаичным мифологическим сознанием. Детское мышление свойственно Бенедикту – начитанному, но необразованному молодому человеку, склонному додумывать и интерпретировать по-своему факты, литературные произведения и природные явления. В рассказах из сборника «Не кысь» чаще всего герои – дети, которым по природе своей свойственно одушевлять предметы и явления, видеть в обычном необычное, сочинять и фантазировать, а также герои, которым даже во взрослом возрасте вследствие душевных травм или болезней характерен наивный тип мышления.

Е. М. Мелетинский отмечает: «... к «первобытному мышлению» имеется ряд убедительных параллелей из области детского мышления» [Мелетинский, 1976, с. 166]. Казалось бы, разных героев² Т. Толстой объединяет стремление объяснить непонятные окружающие явления, делая более понятными. Окружающий мир, который видится героям, опасен. Все, что незнакомо, подвергается сомнению и принимается с опаской. Все, находящееся вне этого мира, – неведомо, а, следовательно – страшно и требует объяснения³.

Герои Толстой, сталкиваясь с окружающим их миром, переживают взаимодействие с ним⁴. Миф для них служит средством объяснения их страхов и переживаний. Мифологическое мышление героев Толстой дает им возможность с легкостью соединять мир фантазии и мир действительности, без труда существовать в этих двух «измерениях», понимая их. В противовес рациональному мышлению взрослых детская фантазия способна «оживить» любой миф или сказку.

А. Генис подчеркивает, что герои Татьяны Толстой – это «безумцы, умеющие обменивать вымышленную жизнь на настоящую», для них «единственный способ спастись от разрушительного вихря «настоящей» жизни – не поверить в то, что

² Бенедикту присуща некая первобытность мышления в силу его принадлежности к мутировавшему (в культурном плане в том числе) обществу.

³ Как отмечает К. Леви-Стросс, «каждое общество с помощью своих мифов выражает такие основные чувства, как любовь, ненависть, месть – общие для всего человечества, <...> мифы представляют собой попытку объяснить малоизвестные явления – астрономические, метеорологические и т.п.» [Леви-Стросс, 2001, с. 56].

⁴ Исследователи Т.Д. Попкова и Б.В. Кондаков утверждают: «Выступая в роли активно действующего субъекта, осваивающего и познающего окружающий мир, создающего с помощью взрослых среду своей жизни, ребенок деятельностно конструирует свое бытие, собственный мир – мир детства. При этом познающий ребенок выступает не только в качестве “приемника”, но и в качестве “источника” собственных знаний и устремлений» [Кондаков, 2010, с.186].

она (существует) настоящая, вернуться в светлый круг ясных и чистых правил детства» [Генис, 1997, с. 67]. Так, все герои Толстой, которым свойственна форма детского мышления, предпочитают ограждаться от окружающего мира мифом и видеть все происходящее через его призму.

Фантазия маленьких героев толстовских рассказов и голубчиков из романа «Кысь» позволяет объяснить окружающие явления, мифологизировать их. Так, в романе «Кысь» Бенедикт свято верит в пространственную модель мира, которая сложилась в разрушенном Взрывом мире голубчиков: *«На севере – дремучие леса <...> В тех лесах, старые люди сказывают, живет кысь. <...> На запад тоже не ходи. Там <...> все-то хорошо, все-то ладно <...> На юг нельзя. Там чеченцы. <...> мы все больше на восход от городка ходим. Там леса светлые, травы долгие, муравчатые»* [Толстая, 2012, с. 10–11]⁵. В это верят и все жители Федор-Кузьмичска (кроме Прежних – рациональных мыслителей, носителей коллективной памяти). Голубчики, утратившие коллективную память, вынуждены самостоятельно «заполнять» ее пробелы. Герои Толстой, сами того не понимая, создают самые разнообразные мифы: астрологические, космогонические, эсхатологические и др.

Герои Толстой по своей натуре мечтатели и, как всем мечтателям, им свойственно обращать свой взор к звездам и размышлять об их природе. Маленькие герои рассказа «На золотом крыльце сидели ...» дают свое толкование тому, как зажигаются звезды ночью. Детская фантазия ловко совмещает реальное и нереальное, наделяя простых работяг чертами мифологических божеств: *«Зимой дворники наклеивали на черное небо золотые звезды»* (с. 238). Не чуждо сотворение астрологического мифа и обитателям «Кыси»: *«Звезды намертво приколочены к черной небесной крышке, накрепко прибиты, не сдвинуться»* (с. 94–95). В попытках объяснить происхождение своего мира и его устройство создают подобие своеобразного космогонического мифа. Герои романа мифологизируют Взрыв («Взрыв» – мифологема сотворения мира, причина происхождения мира голубчиков и их Слободы). Миф строится по классической схеме. Согласно сюжетам мировой мифологии, бытие рождается из хаоса и отсутствия порядка во вселенной. В романе хаос олицетворяет Взрыв. Голубчики дают следующее объяснение: *«люди играли и доигрались с АРУЖИЕМ»* (с. 22). И как следствие этот хаос – Взрыв, приводит к созданию нового мира – мира романа «Кысь».

Жители Слободы не имеют эсхатологических и календарных мифов. Представление о конце мира и о его устройстве они частично заимствуют у пришлого «чеченца». Старик ведает им об исходе этого мира, рассказывая о волшебной красавице, расплетающей косу. Согласно рассказу старика, конец мира придет именно тогда, когда коса будет полностью расплетена. Этот мифологический сюжет прекрасно иллюстрирует особенности верований и мышления героев Толстой.

Для маленьких героев рассказа «На золотом крыльце сидели ...» миф – способ отражения мира в детском сознании, характеризующийся чувственно-образным представлением об окружающем мире (*«Детство было садом. Без конца и края, без границ и заборов ...»* [Толстая, 2004, с. 234]).

⁵ Далее цитирование осуществляется по этому изданию. Номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты. Курсив здесь и далее наш. – Л.В.

Ключевым для мифологизации в прозе Толстой выступает не попытка рационального объяснения окружающего мира, а эмоциональное восприятие мира⁶. Герои Толстой дают его описание, исходя из своего эмоционального восприятия действительности. Так, в рассказе «Любишь – не любишь» детские страхи героини рассказа – маленькой девочки – мифологизируются: в углу лежит не куча тряпья, а мифологическое существо – Змей («Под кроватью, ближе к стене – всем известно – лежит Змей в инурованных ботинках, кепке, перчатках, мотоциклетных очках, а в руке – крюк» [Толстая, 2004, с. 296]). Благодаря фантазии ребенка, неодушевленные предметы оживают, приобретают «лицо» и характер. Мифологические образы «воскресают» в совершенно обыденных и заурядных вещах: «Перед Петей поставили огромную тарелку с рисовой кашей; тающий остров масла плавает в липком Саргассовом море. Уходи под воду, масляная Атлантида. Никто не спасется» [там же, с. 307].

Это свойство детского мышления исследователи Т. Д. Попкова и Б. В. Кондаков объясняют тем, что оно «отражает онтогенетическую природу сознания; оно представляет структуру перворазума, опирающегося на коллективное бессознательное» [Кондаков, 2010, с. 180]. Так, в рассказе «Любишь – не любишь ...» в компании с персонажем русских легенд и «Голубиной книги» Индриком⁷, появляется Хиздрик («За отставшими обоями – Индрик и Хиздрик – один зеленоватый, другой серый, оба быстро бегающие, многоногие»), пришедший в этот рассказ Татьяны Толстой из стихотворения ее бабушки Натальи Васильевны Крандиевской-Толстой («С детства трусихой была»): «И, как тарантул, впотьмах / Хиздрик вбегал на руках, / Хилые ноги вздымая» [Крандиевская, 1989, с. 21–22].

Миф настолько плотно входит в жизнь героев Толстой, что становится для них реальностью. Реальны в романе и кысь, и Княжья птица Паулин. Все «страшилки» под кроватями в рассказах тоже реальны. Мальчик Петя («Свидание с птицей») искренне верит своей взрослой подруге. Для детского сознания нет различия в правдивых рассказах и сказках Тамилы. Она, сама по себе, воплощение сказки «заколдованная красавица с волшебным именем» [Толстая, 2004, с. 308]. Все, что связано с Тамилей, пропитано мифологическими образами и легендами. Петя безоговорочно ей верит и абсолютно все ее рассказы принимает за правду, для мальчика, благодаря фантазии и рассказам Тамилы «мир, оказывается, весь пропитан таинственным, грустным, волшебным, шумящим в ветвах, колеблющимся в темной воде» [там же, с. 312]. Тамила подыгрывает детской фантазии мальчика, дополняет своими мифами, драконами, волшебными птицами, утонувшими девочками, превращенными в серебряных рыбок, волшебными бусами и кольцами. Но, как и во всех произведениях Толстой, волшебному миру ребенка приходится столкнуться с рациональным миром взрослых. Однако на сей раз Толстая «вступается» за мир фантазий своего героя, как бы напрямую обращаясь к нему: «Все правда, мальчик. Все так и есть» [там же, с. 319].

⁶ Т.Д. Попкова и Б.В. Кондаков отмечают: «Способность ребенка к мифологизации того или иного явления жизни заложена в особой готовности его сознания интерпретировать событие в рамках собственного понятийного уровня» [Кондаков, 2010, с.178].

⁷ См.: [Серяков, 2012].

Особым случаем проявления мифологического дискурса представляется мифологизация образа. Образ Тамилы в рассказе «Свидание с птицей» нарочито мифологизирован, отчасти мальчиком, отчасти самой героиней. Тамила: *«жила на стеклянной голубой горе с неприступными стенами, на такой высоте, откуда виден весь мир, до четырех столбов с надписями «Юг», «Восток», «Север», «Запад»»* [там же, с. 308]. Красавицу не только *«украл красный дракон»* [там же, с. 308], но ей известны все тайны мира: мифологические птицы, как летать, как погибла Атлантида, *«ей семь тысяч лет», «Ее и на костре хотели сжечь, за колдовство, уже потащили, а она вырвалась – и под облака»* [там же, с. 310], у нее есть охранное кольцо, сняв которое, она рассыплется черным порошком. Фантастический образ разрушается, не выдержав столкновения с реальностью. Тамила не рассыпалась, сняв охранную «жабу», а предалась плотским утехам с самым закостенелым представителем низовой культуры, насмехавшимся над всем сказочным и над самой Тамилей.

Мифологический образ примеряет на себя и один из героев романа «Кысь» – наибольший мурза – Федор Кузьмич, который предстает в качестве своеобразного демиурга для героев романа: *«А принес огонь людям Федор Кузьмич, слава ему. Ах, слава ему!»* [Толстая, 2012, с. 25], *«Кто сани измыслил? Федор Кузьмич. Кто колесо из дерева резать догадался? Федор Кузьмич»* (с. 26). К заслугам мурзы относят и навык выдалбливания горшков, и кулинарные и охотничьи навыки. Федор Кузьмич предстает в роли культурного героя, все научные и литературные достижения приписываются именно ему: *«День и ночь не спит Федор Кузьмич, все по горенке похаживает, пышину бороду поглаживает, о нас, голубчиках, кручинится»* (с. 26). Образ Наибольшего мурзы мифологизирован за счет причисления ему всех известных человеческих заслуг. Однако подобное обожествление не спасает главного голубчика от государственного переворота. Символичным представляется именно то, что «уничтожение» идеала – убийство Федора Кузьмича – совершает именно Бенедикт, для которого правитель был бессменным кумиром. «Разрушение мифа» становится для Бенедикта фатальным: обнажено колоссальное изменение его внутреннего мира – надрыв и последующие душевные страдания.

Антипод обманушему всех и присвоившему себе все заслуги исследователей, поэтов и ученых Федору Кузьмичу – мифологизированный образ Никиты Ивановича, воеобразного настоящего Прометея. Никита Иванович – представитель прежнего поколения, выжившего после Взрыва. Он является носителем коллективного сознания человечества и культурного наследия русского народа. Подобно классическому мифологическому культурному герою, Никита Иванович, соединяя в себе два начала – божественное и человеческое, предпринимает попытки одарить людей знаниями. Он возводит столбы с наименованием улиц и культурно значимых мест, *«чтоб память была»*, в надежде на *«духовный ренессанс»* (с. 37); инициирует возведение памятника Пушкину. Он совершает своеобразный обряд инициации для молодого человека перед женитьбой, отсекая Бенедикту хвостик. Демифологизации образа Никиты Ивановича не происходит. Не увенчавшееся успехом сожжение Прежнего в конце романа лишь подчеркивает его особенность, создавая своеобразный теогонический миф.

Никита Иванович – рационализатор. Именно он объясняет голубчикам истинную сущность вещей, реальность страхов, пагубность первобытных верований. Именно он предпринимает попытку развеять главный страх Бенедикта – страх перед кысью: *«И Никита Иваныч туда же: ничего не понимает, а говорит. Раз говорит: никакой, говорит, кыси нет, а только одно, говорит, людское невежество»* (с. 37). Кысь есть не что иное, как квинтэссенция первобытного страха голубчиков, порождение их большого сознания. Все неприятности и тревоги объясняются просто: *«Кысь в спину смотрит!!!»* (с. 130). Кысь незрима, ее никто не видел, о ее местонахождении ничего неизвестно.

Кысь – своеобразный образ смерти, но не физической, а смерти человеческого сознания, духовной смерти. Ведь не зря Толстая проводит параллель между образом кыси и Бенедиктом в момент его духовного самоуничтожения. В ночь, когда Бенедикт примеряет на себя образ санитаря и в буквальном смысле убивает человека, их схожесть максимальна: *«кысь – в полете; летит, торжествуя, над городом»* (с. 280) – и в это же время Бенедикт едет в санях: *«красная конница бурей летит через город»* (с. 280). Описывая кысь, Бенедикт говорит: *«Пойдет человек так вот в лес, а она ему на шею-то сзади: хоп! и хребтину зубами: хрусь! – а когтем главную-то жилочку нацупает и перервет, и весь разум из человека и выйдет»* (с. 130). Действия кыси, когда она «портит» голубчиков, обозначается междометием «хрусь!», схожим междометием тесть характеризует и движение крюка Бенедикта, вспоминая о том, как он по неловкости убил голубчика: *«хрясь! – да и все тут»* (с. 281). Он, подобно кыси, порвал «заветную жилочку»: *«попал голубчику прямо по шее, по шейной жиле, а как крюк-то повернул неловкими пальцами, – жила и выдержись, и потекло, черное такое, и голова на сторону, и в глазыньках-то потухло»* (с. 281). «Встреча» с кысью навсегда изменяет героя, оставляя неизгладимый след.

Противоположность Кыси у голубчиков – Княжья Птица Паулин – символ добра, противостоящего злу. Княжья Птица Паули безвредна: *«<...> белым-белая Княжья Птица Паулин <...> никому из людей от той белой птицы отродясь никакого вреда не бывало, нет и не будет. Аминь»* (с. 75) Птица Паулин и Кысь являются необходимыми антиномическими элементами, олицетворяющими добро и зло, жизнь и смерть. Эта антиномичность обозначается в колорите: темные краски для Кысь и белый цвет для Птицы Паулин.

Олицетворением смерти является образ птицы Сириин в рассказе «Свидание с птицей». В традиционной мифологии Сириин – это наполовину женщина, наполовину птица. В рассказе Толстой образ, хотя и трансформируется, но его главная функция – умертвить человека – остается. Мальчик Петя, услышав о птице Сириин от Тамилы, боится ее, ночные дежурства мамы у постели больного дедушки объясняет тем, что она «отгоняет птицу Сириин», но в итоге *«Птица Сириин задушила дедушку»* [Толстая, 2004, с. 319]. Столкновение маленького мальчика со смертью, сопровождающееся его разочарованием в волшебном даре его приятельницы, становится ключевым в изменении детского сознания, обозначая переход к зрелости.

В качестве антагониста птицы Сирий выступает «птица Алконост. Та утром встает, на заре, вся розовая, прозрачная, насквозь светится, с искорками» [Толстая, 2004, с. 311]. Однако, ни птице Паулин в романе «Кысь», ни птице Алконост Толстая не отводит особой роли. Обе они хороши только тем, что никому не причиняют зла.

В рассказе «На золотом крыльце сидели ...» проводник в мир умерших – желтый пес. Он сначала сопровождает старого соседа маленькой рассказчицы, а после уводит его в иной мир: «Желтый пес тихо прикрыл ему глаза и ушел сквозь снежную крупу по звездной лестнице в черную высь, унося с собой дрожащий живой огонечек» [там же, с. 242]. Подобное изображение смерти детьми делает ее не только менее страшной, но и более понятной, спокойной и доброй.

Таким образом, мифологический дискурс в тексте романа Т. Толстой выполняет важнейшие функции. Посредством мифологического дискурса Толстая демонстрирует внутренние переживания своих героев, особенности их взаимодействия с окружающим миром. Миф служит для героев писательницы своеобразным средством объяснения сущности бытия. Мифологическое мышление героев Толстой позволяет героям писательницы удаляться от мира реального в мир грез и выступает как способ защиты от тяжести бытия.

Включение мифологического дискурса в прозу писательницы подчеркивает важную идею творчества Татьяны Толстой – духовный закат цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Генис, А. А. Беседы о новой словесности. Рисунок на полях: Татьяна Толстая / А. А. Генис // Звезда. – 1997. – № 9. – С. 228–231.

Кондаков, Б. В. Мир детей: мифологический аспект самобытия / Б. В. Кондаков, Т. Д. Попкова // Известия Уральского государственного университета. Сер.1. Проблемы образования, науки и культуры. – Екатеринбург, 2010. – № 4(81). – С. 174–187.

Крандиевская-Толстая, Н. В. Лирика: авторский сборник / Н. В. Крандиевская-Толстая; сост. Андрей Чернов. – Москва: Правда, 1989. – 32 с.

Леви-Строс, К. Структурная антропология / К. Леви-Строс / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с. (Серия «Психология без границ»).

Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – Москва: Наука, 1976. – 407 с.

Серяков, М. Л. «Голубиная книга» – священное сказание русского народа / М. Л. Серяков. – Москва: Вече, 2012. – 448 с. – (Неведомая Русь).

Толстая, Т. Н. Кысь / Т. Н. Толстая. – Москва: Эксмо, 2012. – 416 с.

Толстая, Т. Н. Не кысь / Т. Н. Толстая. – Москва: Эксмо, 2004. – 608 с.

REFERENCES:

Genis, A. A. Besedy o novoj slovesnosti. Risunok na poljah: Tat'jana Tolstaja / A. A. Genis // Zvezda. – 1997. – № 9. – S. 228–231.

Kondakov, B. V. Mir detej: mifologičeskij aspekt samobytija / B. V. Kondakov, T. D. Popkova // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury. – Ekaterinburg, 2010. – № 4(81). – S. 174–187.

Krandievskaja-Tolstaja, N. V. Lirika: avtorskij sbornik / N. V. Krandievskaja-Tolstaja; sost. Andrej Chernov. – Moskva: Pravda, 1989. – 32 s.

Levi-Stros, K. Strukturnaja antropologija / K. Levi-Stros / Per. s fr. Vjach. Vs. Ivanova. – Moskva: JeKSMO-Press, 2001. – 512 s. (Serija «Psihologija bez granic»).

Meletinskij, E. M. Pojetika mifa / E. M. Meletinskij. – Moskva: Nauka, 1976. – 407 s.

Serjakov, M. L. «Golubinaja kniga» – svjashhennoe skazanie russkogo naroda / M. L. Serjakov. – Moskva: Veche, 2012. – 448 s. – (Nevedomaja Rus').

Tolstaja, T. N. Kys' / T. N. Tolstaja. – Moskva: Jeksmo, 2012. – 416 s.

Tolstaja, T. N. Ne kys' / T. N. Tolstaja. – Moskva: Jeksmo, 2004. – 608 s.